

Рувинский Роман Зиновьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Право и справедливость в эпоху системы социального кредита¹

I. С древнейших времен принятие справедливого решения в том или ином вопросе и установление справедливых порядков было уделом людей, опиравшихся на соответствующие времени и культурным традициям конвенциональные представления о должном и правильном².

Сегодня, в век стремительного развития технологий Четвертой промышленной революции (или шестого технологического уклада)³, мы, возможно, стоим на пороге грандиозного сдвига в наших представлениях о регулировании человеческого поведения и справедливом общественном устройстве. Социальные интернет-сети, облачные сервисы и платформы моментального обмена информацией, технологии искусственного интеллекта, алгоритмической обработки больших массивов данных (Big Data) и распознавания лиц — все это уже сейчас меняет не только нашу повседневную жизнь, но также видоизменяет и механизмы управления общественными процессами, систему регулирования поведения субъектов.

Одним из наиболее впечатляющих проектов, способных кардинальным образом трансформировать существующие модели публичной власти, социального регулирования и контроля, является внедряемая в последние годы в Китайской Народной Республике Система социального кредита (社會信用體系/shehui xinyong tixi, далее — ССК).

II. Что представляет собой ССК? Впервые в непосредственно-конкретной форме цель создания ССК была провозглашена в заключении Канцелярии Государственного совета КНР от 23 марта 2007 года № 17⁴. Изначально, как видно из данного документа, китайские власти руководствовались преимущественно экономическими соображениями: потребностью борьбы с неуплатой долгов по налоговым и кредитным обязательствам, мошенническими схемами в бизнесе, производством и продажей товаров, не отвечающих стандартам качества. Со временем, однако, акцент был перенесен с финансово-экономической составляющей проекта на его более широкое применение. ССК стала рассматриваться как инструмент поддержания общественного порядка, контроля за гражданами и организациями, как средство повышения доверия к госаппарату (посредством усиления контроля за исполнением судебных решений и борьбы с коррупционным поведением госслужащих)⁵.

ССК — это масштабный, долгосрочный проект, рассчитанный на дальнюю перспективу. Его основными компонентами на сегодняшний день являются:

а) ведущиеся различными ведомствами «*черные списки*» недобросовестных (или «подрывающих доверие», если использовать терминологию китайских нормативных актов) лиц и «*красные списки*» образцовых граждан и организаций;

б) *национальная платформа обмена кредитной информацией*⁶ — информационный скелет ССК, головная база данных, аккумулирующая информацию из баз данных различных центральных и местных госорганов КНР⁷, в том числе из «черных» и «красных» списков;

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00173.

2 См.: Хеффе О. Справедливость: Философское введение / пер. с нем. О.В. Кильдюшова под ред. Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2007.

3 См. об этом, напр.: Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford University Press, 2014.

4 国务院办公厅关于社会信用体系建设的若干意见 [Некоторые заключения Канцелярии Государственного Совета КНР относительно построения системы социального кредита]. URL: http://www.gov.cn/zwqk/2007-04/02/content_569314.htm (дата обращения: 05.11.2020).

5 国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要 (2014—2020) 的通知 [Уведомление Государственного Совета относительно издания Плана построения системы социального кредита (2014—2020 гг.)]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 05.11.2020).

6 Документом, предусматривающим создание национальной платформы обмена кредитной информацией, а также платформ обмена кредитной информацией в провинциях КНР, является 国务院关于建立完善守信联合激励和失信联合惩戒制度加快推进社会诚信建设的指导意见 国发〔2016〕33号 2016年05月30日 [Руководящие заключения Государственного Совета относительно создания и усовершенствования системы объединенных стимулов за сохранение верности и объединенных наказаний за утрату доверия, а также ускорения развития социального кредита, № 33, 30 мая 2016 г.]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-06/12/content_5081222.htm (дата обращения: 05.11.2020).

7 Blomberg M. The Social Credit System and China's Rule of Law // Mapping China Journal. 2018. No. 2. P. 89.

в) система объединенных наказаний для «утративших доверие» лиц, предполагающая применение совместных, согласованных дисциплинарных мер в отношении попавших в «черные списки» субъектов множеством ведомств на основе заключенных между ними меморандумов о взаимопонимании;

г) публичные пилотные проекты балльного рейтингования субъектов, реализуемые в отдельных городах местными властями;

д) частные пилотные проекты балльного рейтингования, ведущиеся несколькими крупными китайскими корпорациями и представляющие собой расширенные программы клиентской лояльности (не предусматривают негативных дисциплинарных мер);

е) системы финансового скоринга, используемые финансово-кредитными учреждениями для оценки клиентов, связанные также с национальной платформой обмена кредитной информацией.

III. Хотя, по наблюдениям отдельных западных исследователей¹, в настоящее время механизмы ССК в значительной степени опираются на достаточно устаревшие технологии учета, а решения о принятии дисциплинарных или поощрительных мер в отношении субъектов по-прежнему выносятся в ручном режиме, чиновниками-людьми, ближайшая перспектива развития ССК состоит в автоматизации и алгоритмизации составляющих ее элементов и процедур. Об этом свидетельствует тот образ ССК, который рисуют и обсуждают ученые в самом Китае. Как следует из статьи Юй Циньсуна (虞青松), сотрудника Школы права Юго-Восточного университета в Нанкине, одной из ключевых задач ССК является преобразование субъекта права в «цифровую личность», делающее возможным управление социальными процессами с помощью компьютерных алгоритмов². По-видимому, долгосрочная задача разработки и апробации социально-кредитных механизмов, основывающихся в конечном счете на обработке данных и управлении рисками, состоит в том, чтобы сделать отправление административных и юрисдикционных функций автоматизированным, свести к минимуму людское вмешательство, а следовательно, и неизбежный в обычной ситуации элемент произвола. О том, что алгоритмизация вынесения решений, имеющих юридическое значение, возможна, свидетельствует опыт работы интернет-суда в городе Ханчжоу, где технологии блокчейн и искусственного интеллекта уже применяются в содействии профессиональным судьям³.

IV. Еще одной примечательной особенностью ССК является попытка соединить с ее помощью правовые и морально-этические нормы путем инкорпорации моральных норм в правовые формы, то есть на основе юридико-позитивистской системы нового типа. По словам китайского юриста Синь Дая (Xin Dai), посредством ССК власти КНР пытаются стимулировать надлежащее исполнение правовых и иных социальных норм, в последние годы нарушавшихся наиболее часто⁴. Таким образом, мы видим постепенное распространение государственного контроля на те сферы, которые до сих пор находились за рамками правового регулирования. Примеры, подтверждающие развитие системы регулирования в данном направлении, есть уже сейчас: так, в городе Цинчжэнь китайской провинции Гуйчжоу с 2010 года действует пилотный проект «Честные фермеры», направленный на поощрение «гармонии в семье», «добрососедских отношений» и «прилежного отношения к труду»; проект, реализуемый с 2010 года в городском округе Суйнин провинции Сычуань, предполагает учет заботы о старших при начислении гражданину социального рейтинга⁵.

V. Самое время задаться вопросами: какое влияние ССК и подобные ей механизмы способны оказать на наше понимание справедливости? не меняется ли наше место в правовом регулировании? по-прежнему ли мы, люди, остаемся основными акторами этого процесса?

1 Shaefer K., Yin E. et al. Understanding China's Social Credit System // Trivium China. 2019. URL: <http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf> (дата обращения: 05.11.2020).

2 虞青松 [Циньсун Ю.]. 算法行政：社会信用体系治理范式及其法治化 [Алгоритмическое администрирование: управленческая парадигма системы социального кредита и легализующие ее нормативные документы] // 法学论坛 2020年第2期 [Правовой форум. 2020. № 2]. URL: <http://fzfyjy.cupl.edu.cn/info/1035/11847.htm> (дата обращения: 05.11.2020).

3 Sung H.-Ch. Can Online Courts Promote Access to Justice? A Case Study of the Internet Courts in China // Computer Law & Security Review. 2020. Vol. 39. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2020.105461> (дата обращения: 05.11.2020).

4 Dai X. Enforcing Law and Norms for Good Citizens: One View of China's Social Credit System Project // Development. 2020. Vol. 63. P. 41.

5 Creemers R. China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control // SSRN Electronic Journal. 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3175792> (дата обращения: 05.11.2020).

Прежде всего, необходимо признать, что механизмы социального регулирования и контроля, основанные на использовании продвинутых технологий и внедряемые в настоящее время, непосредственным образом затрагивают как институциональную, так и процессуальную справедливость. С одной стороны, использование алгоритмов анализа ранее сформированных социально-кредитных данных о субъекте представляется достаточно привлекательным ввиду ожидаемой в таком случае минимизации человеческого фактора, уменьшения произвола при принятии правоприменительных решений. В пользу ССК и иных проектов по оценке и грейдированию поведения субъектов говорит, вроде бы, и то, что такие системы позволяют воздать каждому по его заслугам: законопослушные граждане и добросовестные компании получают лишь преимущества, тогда как нарушители и нечистые на руку лица, попав в «черные списки», предаются остракизму практически во всех сферах общественной жизни. Еще один плюс ССК-подобных механизмов заключается в том, что эти механизмы позволяют осуществлять надзор отнюдь не только за рядовыми гражданами и юридическими лицами — объектами их внимания становятся сами государственные служащие.

Это основные достоинства происходящих изменений. Хотя проекты, выступающие проводниками новой, *технологической нормативности*¹ и нового, *стохастического* (т. е. основанного на вероятностных моделях) *управления*², претендуют на то, чтобы исключить риск чиновничьего произвола, они — по крайней мере, на нынешней ступени своего развития — могут становиться источниками многочисленных правоприменительных ошибок, связанных с их некорректной настройкой, недостаточностью информации или сбоями в работе самих алгоритмов. Характерным примером таких ошибок является история жительницы Южно-Сахалинска Светланы Лепассон: 13 апреля 2020 года суд оштрафовал³ ее по части 2 статьи 6.3 КоАП РФ за нарушение условий карантина, используя в качестве единственного доказательства ее вины фотоматериалы из системы видеонаблюдения «Безопасный город», в автоматическом режиме идентифицировавшей некоего прохожего как г-жу Лепассон (в июне 2020 г. постановление Южно-Сахалинского городского суда было отменено⁴).

Серьезную тревогу вызывает и закрытость автоматизированных процедур рейтингования и юридической квалификации поведения субъектов. Никто не знает, по каким принципам работают алгоритмы искусственного интеллекта, и этого порой не знают даже их разработчики. Кстати, процедурная закрытость отмечается⁵ и у механизмов ССК, относящейся к *частично* автоматизированным системам.

ССК и подобные ей проекты небыстротечны с криминологической, уголовно-процессуальной и административно-деликтной точек зрения. Проступок оступившегося однажды индивида создает о нем «нехорошую» запись, отражающуюся в его «социально-кредитной истории» и впоследствии способной создать ему проблемы в областях, далеких от той, в которой было допущено нарушение. Появляется категория людей, виноватых без вины, обязанных доказывать свою невиновность, пригодность, добропорядочность там, где до сих пор действовали презумпции невиновности и добросовестности. Все это, мягко говоря, не вписывается в общечеловеческие представления о справедливости, в ту многовековую историю справедливости, какой мы ее знаем. Но все это, впрочем, формирует новые представления о справедливости — представления, в которых человеческая честь и добродетель вытеснены ритуалом и формальным следованием позитивным *этико-юридическим* предписаниям.

1 См.: Hildebrandt M. Legal and Technological Normativity: More (and Less) than Twin Sisters // *Techné: Research in Philosophy and Technology*. No. 12 (3). P. 169.

2 См.: Sanders C.B., Sheptycki J. Policing, crime and 'big data': towards a critique of moral economy of stochastic governance // *Crime, Law and Social Change*. 2017. Vol. 68. No. 1—2. P. 1—15.

3 Решение по административному делу // Южно-Сахалинский городской суд Сахалинской области. URL: https://u-sahalinsky-sah.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42132908&delo_id=1500001&new=&text_number=1 (дата обращения: 05.11.2020).

4 Дело № 5-385/2020 // Южно-Сахалинский городской суд Сахалинской области. URL: https://u-sahalinsky-sah.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=49050533&case_uid=b541ad54-75e8-479f-88bb-927859fe63cc&delo_id=1500001 (дата обращения: 05.11.2020).

5 Shaefer K., Yin E. et al. Understanding China's Social Credit System // *Trivium China*. 2019. URL: <http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf>